

www.volsu.ru

РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.3>

UDC 930.22
LBC 63.216

Submitted: 18.08.2025
Accepted: 03.12.2025

BIRCH BARK DOCUMENTS AND PARCHMENT CHARTERS: NORTH-WEST RUS CHARTERS EVOLUTION IN 13th – 15th CENTURIES

Alexei A. Vovin

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Since the 1950s, the question of the origin of the private documents in Rus' has remained unresolved in historiography. Finding an answer to this question and studying the early stages of the evolution of Rus' documentary culture are hampered by both the extreme fragmentariness of charter material before the early 15th century and the difficulty in dating some early documents that have survived in late copies. At the current stage of historiography's development, it seems possible to use birch bark letters, whose formula is similar to the documents on parchment, to address these issues. The former number, although slowly but steadily, is growing. *Methods and materials.* A diplomatic formula analysis of deeds of this type is used in their development, employing paleographic techniques. The entire known collection of wills with a special type of formula – "manuscripts" – common in northwestern Rus' in the 13th – 15th centuries is drawn upon. The analysis involves comparing birch bark letters, written entirely or partially according to a manuscript formula, with known documents of this type that have survived in parchment originals or in later paper copies. *Results.* The main outcome is a new concept for the evolution of manuscript formulas in Northwestern Rus', which were brief in the 12th – 14th centuries and became more complex from the late 14th century onward. Furthermore, it has been established that the displacement of birch bark by parchment, which coincided with a change in manuscript formulas, occurred during the spread of paper in Rus'. However, as a result, unlike in Northeastern Rus', a tradition of written documents did not develop in the Northwest. This raises questions for future research: to what extent are these two processes interconnected, and is there a specific social underpinning?

Key words: testament, rukopisaniye, birch bark letters, medieval private charters, Novgorod, Pskov.

Citation. Vovin A.A. Birch Bark Documents and Parchment Charters: North-West Rus Charters Evolution in 13th – 15th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 17-28. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.3>

УДК 930.22
ББК 63.216

Дата поступления статьи: 18.08.2025
Дата принятия статьи: 03.12.2025

БЕРЕСТА И ПЕРГАМЕН: К ЭВОЛЮЦИИ ФОРМУЛЯРА РУКОПИСАНИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДА РУСИ В XIII–XV ВЕКАХ

Алексей Александрович Вовин

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

© Вовин А.А., 2026

Аннотация. *Введение.* В историографии с 1950-х гг. остается нерешенным вопрос о времени возникновения частного акта на Руси. Получению ответа на него и изучению ранних этапов эволюции документальной культуры Руси препятствуют как крайняя фрагментарность актового материала до начала XV в., так и сложности с датировками отдельных ранних грамот, дошедших в поздних копиях. На настоящем этапе развития историографии представляется возможным привлечь для решения указанных проблем берестяные грамоты, чей формуляр близок к пергаменным актам, а количество пусть медленно, но неуклонно растет. *Методы и материалы.* Использован формулярный дипломатический анализ актов рассматриваемого типа в развитии с применением приемов палеографии. Привлечена вся известная совокупность распространенных на Северо-Западе Руси в XIII–XV вв. завещаний с особым типом формуляра – «рукописаний». *Анализ.* Проведено сопоставление берестяных грамот, целиком или отчасти написанных по формуляру рукописаний, с известными документами этого типа, дошедшими в пергаменных оригиналах или в поздних бумажных списках. *Результаты.* Основной итог – новая концепция эволюции формуляра рукописаний Северо-Запада Руси, краткого в XII–XIV вв. и усложненного с конца XIV столетия. Кроме того, установлено, что вытеснение бересты пергаменом, накладывающееся на смену формуляра рукописаний, происходит во время распространения на Руси бумаги. Однако в результате, в отличие от Северо-Востока Руси, традиции актов на бумаге на Северо-Западе не складывается. Таким образом, ставятся вопросы для будущих исследований: насколько взаимосвязаны эти два процесса, нет ли под ними определенной социальной подоплеки?

Ключевые слова: завещание, рукописание, берестяные грамоты, средневековый частный акт, Новгород, Псков.

Цитирование. Вовин А. А. Береста и пергамен: к эволюции формуляра рукописаний Северо-Запада Руси в XIII–XV веках // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 17–28. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.3>

Введение. Исследователи XIX в. проделали огромную работу по постепенному накоплению, археографическому описанию и изданию основного массива древнерусских актов. В начале XX в. происходит фактически рождение дипломатики русского средневекового акта. В 1903 г. выходит большая работа А.А. Шахматова о двинских грамотах [15], ставшая первым большим специальным изысканием по палеографии, языку и дипломатике этой группы документов. В это же время создается школа А.С. Лаппо-Данилевского по изучению частноправовых документов русского Средневековья. Своеобразный итог всей дореволюционной дипломатике подведен в вышедшем в 1920 г. «Очерке дипломатики частных актов» [11]. Новый виток изучения русского средневекового частного акта произошёл уже в советской историографии.

В 1937 г. вышли две программные статьи ученика А.С. Лаппо-Данилевского С.Н. Валка, заложившего современные основы изучения частноправовых документов. В них впервые четко было проведено разделение на две независимые традиции: написанные на пергамене от третьего лица (за исключением завещаний) акты Северо-Запада и бумажные документы Северо-Востока, составлявшиеся от первого

лица. Помимо этого, С.Н. Валк сформулировал концепцию развития частного акта на Руси, согласно которой ее зарождение следует относить к достаточно позднему времени, не ранее XIII в., а период до конца XV в. предложил считать начальным, поскольку в это время в документах еще сохранялись следы доактовых элементов в оформлении сделок. Древнейшие известные новгородские акты, «Купчую Антония Римлянина», «Духовную Антония Римлянина» и «Данную Варлаама Хутынского», которые ранее датировали XII в., С.Н. Валк счел поздними подделками [4; 5]. С последним не согласился М.Н. Тихомиров, выдвинувший свои аргументы в пользу их подлинности [13]. В получившемся споре, известном как «Спор о времени возникновения древнерусского акта», в ход пошли аргументы самого разного рода: палеографические, дипломатические и текстологические, однако ни одна из сторон не получила явного преимущества.

Важнейшей вехой в историографии стал выход в 1949 г. под редакцией С.Н. Валка «Грамот Великого Новгорода и Пскова» (далее – ГВНП-1949) [8]. Это издание на долгие годы стало настольной книгой всех специалистов по истории Новгорода и Пскова XII–XV веков.

Спустя всего два года, в 1951 г., произошло другое событие, определившее современное состояние нашего знания об актовой традиции Северо-Запада: в Новгороде была найдена первая берестяная грамота.

Привлечение берестяных грамот для уточнения бытования и развития актов началось сразу после обнаружения первых грамот. Так, две первые (БГ 28, 42¹) берестяные грамоты, содержащие текст с формуляром завещания («рукописания»), были обнаружены уже в 1952 г., а два года спустя опубликованы, причем они сразу были определены А.В. Арциховским как «духовные завещания» [2, с. 29–30, 42]. А Л.П. Жуковская заложила традицию сравнительного изучения пергаменного и берестяного акта. Сопоставив вышеупомянутые берестяные грамоты (БГ 28, 42) с древнейшим, несомненно подлинным новгородским завещанием, известным как «духовной Климента» [9, № 134²], она нашла их схожими, поскольку все три грамоты начинались одинаковой клаузулой – «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». Отметим, что Л.П. Жуковская не обратила внимание на то, что формуляры № 134 и БГ 42 (БГ 28 сохранилась намного хуже) после этого значительно расходятся: в первой (XIII в.) идет краткий формуляр («Се азъ, рабъ | Б(о)жии Климѧтъ, [д]аю роукописанье с(ва) т(о)моу Гергью»), в то время как во второй (конец XIV – начало XV в.) он значительно распространеннее и полностью соответствует формуляру пергаменных актов XV в. [10, с. 52–59]. Впрочем, вряд ли можно в чем-либо упрекнуть Л.П. Жуковскую – количество известных берестяных актов в момент написания ее книги еще исчислялось единицами, был неизвестен ряд актов на пергамене. Тут важно отметить постоянную пополняемость фонда берестяных грамот, неизбежно заставляющую нас пересматривать представление о них и их роли в истории частного акта.

Л.В. Черепнин предложил уже расширенный взгляд на берестяные грамоты как исторический источник с особенным вниманием к использованию их в качестве частного акта. К моменту написания его книги была известна почти треть от современного числа найденных берестяных грамот. Л.В. Черепнин последовательно сравнил разные типы актов, в том числе завещания («рукописания») на бересте с пер-

гаменными. Исследователь полагал, что эти два вида материальных носителей актов были равнозначны. С точки зрения Л.В. Черепнина, завещание могло составляться как на бересте, так и на пергамене, впрочем, в центре его работы лежит другая проблематика. Его подход скорее не дипломатический, а социальный, он исследовал не эволюцию формуляра, а набор всех берестяных грамот (не только завещаний), в которых прослеживаются сюжеты, связанные с наследованием как практикой [14, с. 364–380].

В.Ф. Андреев опубликовал в 1986 г. монографию о новгородских частных актах, ставшую итогом его многолетних трудов. Исследователь поставил во главу угла задачу «проследить эволюцию формуляра» как ключ к пониманию истории развития частного акта. В отношении северо-западных завещаний он первым пришел к выводу, что этот тип акта следует обозначать его самоназванием, то есть понятием «рукописание». В.Ф. Андреев высказал предположение, что в XII–XIII вв. рукописания на пергамене были еще редки, но с ними сосуществовали многочисленные берестяные завещания, для которых был характерен краткий формуляр, не содержащий порой даже имени наследника. Исследователь пришел к выводу, что количество ранних завещаний слишком мало, всего три (в их число он включал и «духовную Антония Римлянина», считая ее, вслед за М.Н. Тихомировым, подлинной), чтобы проследить эволюцию формуляра рукописаний. Тем не менее на данный момент с учетом новых имеющихся в нашем распоряжении актов подход В.Ф. Андреева представляется перспективным и требует лишь привлечения тех актов, которые самому В.Ф. Андрееву были еще неизвестны [1, с. 99–110].

В.Л. Янин опубликовал в 1991 г. монографию, посвященную новгородским актам. Ему удалось уточнить датировку многих грамот, включая «духовную Климента». Он полагал вслед за М.Н. Тихомировым и В.Ф. Андреевым, что «духовная Антония Римлянина» – список с подлинника, что делало ее первым известным новгородским завещанием [18, с. 204–207]. К 80–90 гг. XX в. был найден целый ряд северо-западных частных актов не только на бересте, но в бумажных списках

с несохранившихся пергаменных оригиналов, неизвестных во время издания ГВНП-1949, что выявило необходимость в осуществлении нового издания Грамот Великого Новгорода и Пскова (далее – ГВНП-2025).

Такое издание, подготовленное И.Ю. Анкудиновым, Т.В. Кругловой, П.В. Лукиным, С.В. Полеховым, А.Б. Постниковым, Е.Р. Сквайрс, А.В. Толстиковым и И.С. Юрьевой при участии С.Ю. Агишева, наконец, увидело свет в 2025 г. [9]. В него вошли уже 492 грамоты на пергамене и бумаге (по сравнению с 348 в ГВНП), а также впервые наряду с пергаменными и бумажными в приложении были включены 30 берестяных грамот, составленных по формуляру актов. Из них относительное большинство, 11 единиц, – завещания. Это обстоятельство стало решающим для настоящей работы, сделав ее возможной. Соединение всех северо-западных завещаний, включая берестяные, дает в руки исследователей материал для выстраивания истории эволюции формуляра северо-западных рукописаний. Хотя все берестяные грамоты, изданные в ГВНП-2025, уже были введены в научный оборот ранее, отсутствовала общая перспектива, появившаяся только после выхода публикации. Настал момент, когда нужно заново сверить все имеющиеся в нашем распоряжении акты в попытке пролить свет на раннюю историю северо-западного частного акта.

Методы и материалы. Настоящее исследование задумано и осуществлено с использованием, прежде всего, классических приемов дипломатики: расчленения формуляра документа на отдельные клаузулы и сравнения их со всей совокупностью известных актов исследуемого типа. В этом смысле мы идем следом за В.Ф. Андреевым, видевшим в изучении эволюции формуляра ключ к пониманию развития частного акта. Разница в том, что нам известно больше и берестяных, и пергаменных рукописаний, чем было доступно ему. Учитывая специфику берестяных грамот, которые в большинстве случаев представляют собой лишь фрагменты рукописаний разной степени сохранности, особенный акцент в работе сделан на сравнительном изучении начального протокола акта, так как эсхатокол в большинстве случаев утрачен.

Помимо собственно приемов дипломатики в работе использованы методы палеографии в тех случаях, когда было необходимо оценить количество возможных пропущенных в берестяной грамоте знаков и оценить ее возможный размер, исходя из соотношения количества букв на единицу длины в сохранившемся фрагменте грамоты.

При отборе материала мы следуем в основном за издателями ГВНП-2025, лишь в нескольких случаях не соглашаясь с ними. Всего в нашем распоряжении было 34 рукописания, дошедших в пергаменных оригиналах или бумажных списках. К ним нужно прибавить 11 рукописаний на бересте. Вопрос о подлинности или подложности «духовной Антония Римлянина» представляется отдельной научной проблемой, которую можно и нужно заново рассмотреть при помощи инструментов дипломатики, но уже после достижения основной цели настоящей работы – установления общих закономерностей развития формуляра северо-западных рукописаний.

Анализ. К XV в. на Северо-Западе Руси складывается тип формуляра завещаний, которые, исходя из самоназвания, вслед за В.Ф. Андреевым мы предлагаем называть рукописаниями. Всего сохранилось 34 таких акта XV в.: № 142, 145, 149, 153, 168, 188, 206, 216, 239, 244, 255, 256, 266, 272, 297, 298, 236, 343, 353, 368, 370, 381, 382, 384, 385, 442–444, 450, 455, 464, 467, 472, 480, часть из которых дошла в пергаменном подлиннике, а остальные – в более поздних бумажных списках. Из них (в том порядке, в котором они приведены выше) пять происходят из Новгорода, три из Обонежья и Заонежья, семнадцать из Подвинья и девять из Пскова. При беглом взгляде на количественное распределение становится очевидно, что оно случайно (новгородских меньше, чем двинских или псковских и т. п.) и вряд ли отражает какую-либо закономерность. В то же время географическая пестрота позволяет говорить о сложившейся к XV в. единой традиции рукописаний, распространенной на всем Северо-Западе Руси.

Приведенные выше акты объединяет почти неизменный формуляр. Их протокол состоит из двух клаузул: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се яз, ИМЯРЕК, пишу рукописание при своем животе»; эсхатокол из одной:

«а на то послух Бог и отец мой душевный ИМЯРЕК». Последнюю часть протокола «при своем животе» может дополнять или заменять формула «отходя сего света». Вряд ли можно согласиться с В.Ф. Андреевым, сделавшим на основе количественного сопоставления этих двух формул вывод о том, что завещания «в большинстве случаев составлялись непосредственно перед смертью автора завещания» [1, с. 102], речь опять-таки скорее идет о случайном распределении в немногих сохранившихся актах. В трех псковских рукописаниях второй половины XV в. (№ 450, 455, 464) вместо «пишу рукописание» находим «учиних ряд животу своему и отчине своеи» (№ 455), однако в том же самом акте № 455 в распорядительной части сам документ называется уже «рукописание»: «А хто вымет на се рукописание послед сего рукописания и мое рукописание: или строи мои, или уи мои, или иное племя мое – а то рукописание не в рукописание». То есть для составителя «ряд» и «рукописание» синонимичны и взаимозаменяемы. Учитывая, что протокол остальных псковских рукописаний, в том числе более ранних, идентичен распространенному в других землях Северо-Запада Руси, представляется, что и № 450, 455, 464 принадлежат к той же традиции рукописаний, а их несколько измененный протокол – результат ее дальнейшего местного псковского развития.

Помимо приведенных выше 34 актов издателя ГВНП-2025 включили в публикацию под наименованием духовных два двинских акта (№ 344, 349) и один псковский (№ 478). Мы не включили их в приведенный выше перечень из 34 рукописаний по разным причинам, которые должны быть пояснены.

Два двинских акта (№ 344, 349) В.Ф. Андреев отнес ко второй из выделяемых им трех групп, назвав этот тип «духовные-данные» по причине смешения черт формуляра «духовных» и данных. Причем характерной особенностью актов этого типа В.Ф. Андреев считал то, что они всегда составлены в пользу какого-либо монастыря либо церкви, а другие наследники не упоминаются [1, с. 105–106]. Рассмотрим формуляр этих двух грамот: «Во имя ѿца и сына и святаго духа. Се азъ, рабъ б(о)жии ИМЯРЕК, даль есмь в домъ с(ва)т(о)му Николи». Пред-

ставляется, что есть только две черты, хоть как-то роднящие эти акты с рукописаниями. Во-первых, это invocatio «Во имя ѿца и сына и святаго духа», в данных Северо-Запада не встречающееся, а во-вторых, то обстоятельство, что акт составлен от первого как все рукописания, а не от третьего лица – как подавляющее большинство актов Северо-Запада. Впрочем, известна еще как минимум одна данная от первого лица (№ 289): «Се азъ, Филикс, отдал есми в дом Покрову Пречистей Богородицы да Михаилу архангелу вотчину». Однако этого явно недостаточно, чтобы считать № 344, 349 духовными, как это сделали вслед за В.Ф. Андреевым издатели ГВНП-2025. Во-первых, если рассматривать в качестве классифицирующего признака самоназвание, то перед нами, несомненно, данные, а не рукописания. Во-вторых, отсутствуют уже устоявшиеся в рукописаниях формулы «уходя сего света» или «при своем животе», которые в случае завещания как бы маркируют горизонт наступления правовых последствий акта, то есть перехода права собственности на имущество, который происходит после смерти наследодателя. Для завещания, таким образом, существенно, делается ли оно «на всякий случай» или в ожидании смерти. Для данных-вкладных, подразумевающих переход права собственности непосредственно в момент составления акта, а не после смерти дарителя, такие уточнения лишены смысла и в данных не встречаются. Для рукописаний же, напомним, формулы «уходя сего света» или «при своем животе» к тому времени уже неотъемлемый элемент формуляра. Само содержание, наконец, № 344, 349 не несет никакой отсылки к гипотетической смерти дарителя, что никак не позволяет отнести их не только к рукописаниям, но и к завещаниям вообще.

Псковский акт (№ 478) из копийной книги Елеазарова монастыря – один из последних обнаруженных псковских актов [12]. Перед нами, несомненно, завещание: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се азъ, рабъ Божии Ефросин инок, ходя при животе своем, учиних крепость манастирьскому житию и отчине своеи, и исадом своим, и клетем на городе, и всему сполу, что ни есть». При этом нет сомнения, что формуляр далек от рукописаний, более того, в отличие

от вышеупомянутых псковских актов конца XV в. (№ 450, 455, 464), в которых само слово рукописание в тексте все же встречалось, пусть и не в протоколе, здесь оно отсутствует. По этой причине № 478 выпадает из нашего рассмотрения, хотя его особенности должны быть как-то прокомментированы.

Итак, особенности формуляра № 478 могли быть следствием дальнейшей эволюции псковских рукописаний, незаметной по другим сохранившимся актам, или же быть результатом влияния какого-то внешнего формуляра. Таким внешним фактором для актов Северо-Запада была «низовская» традиция. Ее влияние прослеживается и в некоторых других рукописаниях из нашего списка, так в № 244, 370 встречается клаузула «где мне что дати и взяти», заимствованная, несомненно, из делопроизводства Северо-Востока Руси, по понятным причинам ставшего с конца XIV в. более копируемым в Подвинье. Представляется, что еще три двинских завещания, входившие в ГВНП-1949 (*номера в этом издании* – № 263, 265, 271), но не вошедшие в ГВНП-2025, должны быть упомянуты в контексте изучения завещаний Северо-Запада Руси. Это духовные, а не рукописания, их формуляр явно иной: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аз раб божий ИМЯРЕК (своим целым умом и смыслом – только в ГВНП-1949 № 263. – А. В.) пишу духовную, у кого мне что взяти и кому ми что дати». Именно дипломатические особенности этих трех грамот стали основанием для В.Ф. Андреева [1, с. 100], а вслед за ним и для издателей ГВНП-2025 [9, с. 665–666], чтобы уточнить датировку актов, отнеся ее к уже «московскому» периоду истории Новгорода. Такой подход, однако, не представляется до конца убедительным. Ведь дипломатика, ставящая перед собой целью определение специфики бытования различных элементов акта во времени, не может использовать эти же особенности формуляра для датирования самих актов. Иными словами, дипломатика нуждается в датировках, не связанных с самой дипломатикой. Таким образом, хотя и нельзя исключать возможность того, что ГВНП-1949 № 263, 265, 271 были составлены после утраты Новгородом самостоятельности, но также равновероятной будет и более ранняя датировка XV веком.

Подведем предварительные итоги: северо-западные рукописания XV в. демонстрируют удивительную стройность формуляра. При общей плохой сохранности документального наследия Руси этого периода из 492 известных на 2025 г. пергаменных и бумажных актов этого региона 34, то есть около 7 %, составляют рукописания. При этом предыдущий период, если говорить об актах на мягких материалах, зияет пустотой. Есть только рукописание Климента (№ 134), чья датировка была убедительно уточнена В.Л. Яниным серединой 50-х гг. XIII в. [18, с. 211–212]. Его формуляр действительно расходится с таковым в актах XV в.: «Въима ГѸ(т)ца и С(ы)на и С(ва)т(а)го Д(у)ха. Се азъ, рабъ | Б(о)жии Климантъ, [д]аю роукописанье с(ва)т(о)моу Гергью | и игоуменуу Варламоу и всеи братьѣ». Можно отметить как сходства так и различия с актами XV века. К первым нужно отнести *invocatio* «Въима ГѸ(т)ца и С(ы)на и С(ва)т(а)го Д(у)ха», начало следующей клаузулы «Се азъ, рабъ | Б(о)жии ИМЯРЕК» и присутствие самого слова «рукописание» в протоколе акта. Дальше начинаются различия: отсутствует формулы «при своем животе» или «уходя сего света», основной наследник назван уже в клаузуле, содержащей слово «рукописание» («[д]аю роукописанье с(ва)т(о)моу Гергью»). Сложно, однако, сделать какие-либо серьезные обобщения, поскольку № 134 – единичный документ, хронологически оторванный от основной массы аналогичных северо-западных актов на почти полтора столетия. Для реконструкции эволюции формуляра рукописаний нужно эту лакуну заполнить, и сделать это возможно только при помощи тех новгородских берестяных грамот, которые были написаны по формуляру рукописаний.

Как уже говорилось во введении, в историографии неоднократно использовали берестяные акты для изучения пергаменных и наоборот. Однако каждый археологический сезон приносит новые грамоты, таким образом, требуется периодическая сверка наших обобщенных знаний о северо-западных актах. Прежде чем приступить к подробному рассмотрению берестяных актов нужно еще раз подчеркнуть один хорошо известный факт, имеющий решающее значение в деле изучения изменений формуляра во времени. Речь идет

о датировке, которая в случае с берестяными грамотами обретает точность, недоступную большинству пергаменных актов. Благодаря своей археологической природе, берестяные грамоты имеют достаточно точную датировку, возникающую как следствие применения вилки из стратиграфических и нестратиграфических методов датирования. Точность получаемого результата варьируется всего в пределах нескольких десятилетий, что кажется невозможным уровнем точности в случае большинства пергаменных рукописаний, с редкими исключениями в виде тех из них, которые могут быть датированы по упоминаемым персоналиям.

Рассмотрим берестяные акты, опубликованные в ГВНП-2025 как «духовные», в хронологическом порядке. БГ 818 датируется стратиграфически 1160–1180 гг., а внестратиграфически 1140–1180 гг.: «Оу Пьсоковънѣ 5 коунѣ и гривъ|на. Оу Өимѣ 5 коунѣ. Оу Завида | 5 гривънѣ. Въ тоулѣ 4 гривъ|нѣ серебра. А се даю въхо братоу». В первом издании была определена В.Л. Яниным, А.А. Зализняком и А.А. Гиппиусом как черновик завещания и, что важно, как целый документ [17, с. 40]. Строго говоря, прямых указаний на то, что это черновик, а тем более черновик завещания, нет. Вероятно, в грамоте перечислены должники и суммы, которые они задолжали. А затем клаузула передачи «этого всего» брату. Это, несомненно, мог быть черновик рукописания с опущенным протоколом, поскольку подобные перечни должников известны нам в распорядительной части завещаний, причем такой перечень есть и в «духовной Климента» (№ 134), которая оказывается к БГ 818 хронологически ближайшей. Стоит отметить, что в «духовной Климента» 1255–1257 гг. подобный перечень должников занимает лишь незначительную часть, причем во второй половине грамоты, в то время как первая состоит из различных по смыслу и форме сложных предписаний, стилистически и синтаксически более сложным языком по сравнению с БГ 818, таких как: «То же юсмь не даромъ даль –| платилъ за мен[е] Данило и Воиньискоу|пѣлитовьскыи» или «А же|намоѧпострижетьсявъ чернице – юстьѣ[и] | чимъсапострици; и дворягородьскыиѧ | даю». Представляется,

что наряду с предположением о том, что БГ 818 была черновиком рукописания, можно с той же долей вероятности допустить, что это древнейшее известное нам северо-западное завещание, дошедшее полностью, а отразившийся в нем перечень должников – ранняя форма рукописания на бересте, еще не включавшая ничего, помимо собственно распорядительной части: своеобразное проторукописание, возможно сопровождавшее последнюю волю умирающего, выраженную устно при свидетелях, переходный этап в истории развития завещания. Наконец, нетрудно предположить, что перед нами и не завещание вовсе и даже не документ, а, например, письмо с перечислением должников. Кажется, что выбрать из приведенных трех вариантов затруднительно, и БГ 818 должна считаться первым рукописанием или его черновиком весьма условно.

Таким образом, первой берестяной грамотой, содержащей формуляр рукописания, стоит считать БГ 138, датируемую самым началом XIV в., то есть отстоящую от «духовной Климента» примерно на половину столетия. Это опять-таки целый документ с незначительными утратами. Последнее обстоятельство особенно важно: отсутствие эсхатокола не может быть объяснено плохой сохранностью грамоты. В «духовной Климента», заметим, привычная для актов XV в. формула эсхатокола «А на то послух Бог и отец мой душевный ИМЯРЕК» также отсутствует, хотя эсхатокол как таковой все же есть. Протокол БГ 138 выглядит неразвитым на фоне актов XV в.: отсутствует invocatio, вторая клаузула – краткая: «Се азо, рабо Б(о)жи Селивьстро, напсахъ роукописание». Затем сразу следует «список должников», которым документ и обрывается. В этом смысле действительно БГ 818 и 138 близки, своей лаконичностью БГ 138 выделяется не только на фоне актов XV в., но и «духовной Климента» XIII века. В любом случае среди всех известных рукописаний как на бересте, так и на пергамене БГ 138 стоит несколько особняком (возможно вместе с БГ 818), представляя собой самый краткий и, вероятно, архаичный вариант завещания.

Более показателен формуляр двух хронологически следующих БГ 580 (1340–1360 гг.) и БГ 369 (вторая половина XIV в.). От обеих грамот сохранились лишь отрывки, отражаю-

шие в разной степени особенности формуляра рукописаний середины – второй половины XIV в.: «...А Улеа, напишу рукъписание синь|[мъ свои]мъ Василею, Ивану» (БГ 580). Левая сторона утрачена, что не помешало В.Л. Янину и А.А. Зализняку убедительно реконструировать вторую строчку и предположить, что перед сохранившимся именем завещательницы шла стандартная формула «Аз, раба божия» [16, с. 44]. Отметим также, что invocatio в грамоте отсутствовало, если только содержащий начало первой строки левый верхний край грамоты не выдавался далеко налево. При этом вторая клаузула протокола ««напишу рукъписание синь|[мъ свои]мъ Василею, Ивану» близка к таковой в «духовной Климента» (№ 134): отсутствуют клаузулы «при своем животе» и «отходя сего света», присутствует слово рукописание, у которого грамматически появляется «адресат» – основные наследники, стоящие в дательном падеже. Таким образом, протокол, содержащий самоназвание акта, как бы сливается с распорядительной частью, содержащей имена наследников, чего в актах XV в. не происходит никогда, там это неизменно разные клаузулы, причем зачастую разделенные другими формулами начала распорядительной части.

БГ 369 («[...Свя]таго Д(у)ха. Се азъ, рабъ Б[ожи...] | [...сы]ну своему Кондрат[у...] | [...] бѣлѣиу Петра в Лав[...] | [...]С]емена Шюбиница з[...]») сохранилась несколько хуже, у нее отсутствуют и правый, и левый края. Тем не менее, благодаря сохранившемуся обрывку intitulatio примерно понятен размер утраченного левого края. Справа сделать это несколько сложнее, поскольку не понятно, какой тип формуляра использовался в грамоте: краткий, как в «духовной Климента» и БГ 580, где клаузула с самоназванием содержала уже имя наследника, или пространный, встречаемый в актах XV века. Думается, что на этот вопрос ответить можно, если сравнить БГ 369 с другим берестяным рукописанием – БГ 1077, созданным, вероятно, чуть позднее (конец XIV – начало XV в.). «Во имѣ Оца и С(ы)на и С(вя)гто Дха. Се азъ, рабъ Б(ожи)и Афанась, пишу | рукописание при своемъ животѣ. Приказываю живо|тъ свои с(ы)ну своему Ондръю...» – протокол полностью соответствует пространному формуляру актов XV в.,

эсхатокол (если таковой был) утрачен вместе со значительной частью грамоты. Начальная, то есть верхняя часть грамоты сохранилась почти полностью, при этом, поскольку пространный формуляр XV в. занимает много места, имя главного наследника («Ондръю») находится только примерно посередине третьей строки грамоты, относительно первой строки под словами «Дха. Се азъ». В БГ 369 же имя наследника («Кондрат[у...]») стоит во второй строке под словами первой строки «Се азъ, рабъ Б[ожи...]», то есть получается, что по сравнению с БГ 369 в БГ 1077 имя наследника сдвинуто почти на целую строку, что, конечно, само по себе уже свидетельствует в пользу краткости формуляра БГ 369. Это соображение можно подкрепить и некоторыми усредненными подсчетами.

Суммарную длину утраченных боковых сторон БГ 369 можно оценить, если найти отношение длины предполагаемого утраченного отрывка формуляра в знаках к среднему количеству букв на сантиметр в БГ 369 (назовем k). Таким образом, можно, в некотором приближении, установить длину целой грамоты. Естественно, чем больше была длина утраченного отрывка, то есть чем длиннее формуляр, тем длиннее должна была быть сама грамота. Длина БГ 369 составляет 12,6 см [3, с. 67], в среднем на ее строке умещается 15 знаков (четыре строки 16, 15, 14, 14 знаков). Количество букв на один сантиметр (k) для БГ 369 приблизительно равно 1,2 (15/12,6 см).

Утраченный отрывок, длину которого нам нужно подсчитать, начинается с буквы «Б» (не включительно) в слове «Божий» («Се азъ, рабъ Б[ожи]»), а заканчивается буквой «у» в слове «сыну» («[...сы]ну своему Кондрат[у...]» – «н» перед «у» только угадывается в грамоте). В качестве примера возьмем БГ 1077, из пространного формуляра которого можно получить краткий простым удалением двух формул:

«Во имѣ Оца и С(ы)на и С(вя)гто Дха. Се азъ, рабъ Б(ожи)и Афанась, пишу | рукописание при своемъ животѣ. Приказываю живо|тъ свои с(ы)ну своему Ондръю...», где весь интересующий нас отрывок выделен жирным шрифтом, а дополнительные клаузулы пространного формуляра – курсивом и подчеркиванием; удаление последних дает краткий формуляр, соответствующий таковому в БГ

580. При всей понятной неточности подобных подсчетов из-за неизвестной длины имени наследодателя («Афанась» из БГ 1 077 не самое короткое, но и не самое длинное возможное имя, годится для усредненного примера) и индивидуальных особенностей орфографии и графики писцов, представляется, погрешность не должна быть слишком велика. Итак, произведенные по фотографиям грамот подсчеты таковы: в заданном интервале пространный формуляр БГ 1 077 оставляет 61 знак, а гипотетический краткий – 25. При делении на наш коэффициент 1,2 получаем для пространного и краткого формуляров прибавку в 51 и 21 см соответственно. То есть, если формуляр БГ 369 был кратким, то ее длина составляла около 33 см, а если длинным – около 63 см. Если первый размер укладывается в статистическую норму для большинства берестяных грамот вообще, то второй значительно ее превышает (кажется, максимальные значения имеют БГ 893 – 52,1 см [17, с. 90], БГ Торж. 17 – 55,5 [17, с. 131]). Актов на бересте такого размера до сих пор не найдено, и это вряд ли только причуды археологической фортуны. Берестяной акт длиной 0,6 м должен был быть неудобен во всем – составлении, чтении, перемещении и хранении, а к тому же еще и такой кусок бересты непросто получить. Одним словом, все вышесказанное явно свидетельствует в пользу того, что БГ 369 имела краткий формуляр, сходный с таковым в «духовной Клименты» и БГ 580. Их главной общей видовой чертой стало объединение во второй клаузуле «рукописания» и имени главного наследника в дательном падеже: «[д]аю роукописанье с(вѣ)т(о)моу Гергью | и игоумену Варламоу и всеибратѣ» («духовная Клименты», № 134, 1255–57, пергамен, оригинал), «[пишу рукописание синѣ][мѣ свои]мѣ Василею, Ивану» (БГ 580, 1340–1360 гг., береста), «[пишу рукописание?] сы]ну своему Конѣдрат» (БГ 369, 1350–1400 гг., береста).

На этих трех актах, однако, история краткого формуляра завершается. Все хронологически следующие за ними акты на бересте (БГ 42 – 1380–1400 гг., БГ 1077 – 1380–1400 гг., БГ 519/520 – 1480–1410 гг., БГ 28 – конец XIV в. – 1400-е гг., БГ 692 – 1-я четверть XV в., БГ 1122/1123 – 1410–1450 гг.) содержат уже полноценный пространный формуляр,

полностью (в сохранившихся местах) соответствующий таковому в пергаменных актах XV века. Представляется, что настало время подвести итоги.

Результаты. Рукописания как тип завещания возникают на Северо-Западе Руси не позднее середины XIII века. Можно выделить как минимум два этапа развития этого вида актов. В ранний период середина XIII – вторая половина XIV в. для рукописаний характерен сокращенный протокол, в котором сразу в клаузуле «пишу / даю рукописание» указывается и имя основного наследника в дательном падеже, используемого в качестве косвенного дополнения сказуемого. В этот период, по всей видимости, параллельно бытовали берестяные и пергаменные рукописания, хотя выявление функциональных особенностей каждого вида носителя является отдельной задачей, которая будет решена в следующих публикациях. Помимо этого раннего типа формуляра встречается (только на бересте) в этот период еще один более архаичный тип завещания, состоящий только из клаузулы «пишу рукописание» и следующего за ней списка должников. Возможно, перед нами угасающий тип еще более древнего вида актов, не требовавшего даже имени наследника, который был либо очевиден, либо фиксировался устно. В целом рукописания, содержащие ранние варианты формуляра, не перешагнули условный рубеж 1400 года. Все известные нам рукописания XV в. как на бересте, так и на пергамене составлены уже по новому, пространному формуляру. В нем старая клаузула «пишу рукописание ИМЯРЕКу» разделяется на две. К первой части добавляется формула «при своем животе» либо «отходя сего свету» или обе эти формулы вместе. Имя наследника становится частью следующей клаузулы «приказываю живот свой ИМЯРЕКу». Помимо этих изменений в целом рукописания XV в. обретают усложненный формуляр, не прослеживающийся в предыдущий период. Появляются клаузулы, описывающие определенные условия пожизненного использования имущества, возникает принцип субституции, указания на два типа собственности «одерень» и «веки» [6; 7]. Показательно при этом, что берестяные акты, составленные по этому формуляру, известны только для первой половины XV столетия, и хотя более поздние берестяные

грамоты вообще нам известны, рукописаний среди них нет.

По всей видимости, всю эволюцию северо-западных рукописаний можно представить не только как изменение формуляра, но и как постепенное вытеснение бересты пергаменом. Необходимо отметить, что этот процесс протекал параллельно с распространением на Руси бумаги в самых разных областях книжности. При этом на Северо-Западе, где бумага в конце XIV – первой половине XV в. уже несомненно в употреблении, она не использовалась в делопроизводстве. Как уже говорилось выше, количество северо-западных актов на бумаге – статистическая погрешность. Единственным рукописанием на бумаге можно условно счесть № 145 (вторая четверть XV в.), впрочем, издатели ГВНП-2025 сочли его «пробой пера», то есть, видимо, черновиком. Из оставшихся рукописаний примерно половина дошла в пергаменных оригиналах, остальные – в бумажных списках XVI–XVIII вв., которые в подавляющем большинстве (№ 222, 223, 244, 249, 252, 253, 255, 256, 265, 272, 381, 382, 384,

442–444, 455, 467) называют свой оригинал «харатейной грамотой». Таким образом, можно утверждать, что в отличие от Северо-Востока Руси на Северо-Западе традиция завещаний (да и вообще частных актов) на бумаге не прослеживается. Таким образом, постепенный отказ от бересты не может объясняться технологическим развитием. Скорее, предпочтение в пользу пергамена было связано с большей надежностью последнего и, следует с осторожностью предположить, что изменился сам процесс составления завещаний в первую очередь в том, кто был непосредственно в него вовлечен. Это, впрочем, тема для отдельной публикации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее под такой общепринятой хронологической нумерацией приводятся берестяные грамоты.

² Здесь и далее под такой нумерацией приводятся документы из ГВНП-2025.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII–XV вв. Л.: Наука, 1986. 143 с.
2. Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 года). М.: Изд-во АН СССР, 1954. 91 с.
3. Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1958–1961. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 118 с.
4. Валк С. Н. Древнейшие новгородские акты // Новгородский исторический сборник. Вып. 2. Л.: Облоно, 1937. С. 48–52.
5. Валк С. Н. Начальная история древнерусского акта // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 285–318.
6. Вовин А. А., Срединская Н. Б. Рецепция римского права в Северо-Западной Руси XIV–XV вв.: вдова и имущество покойного мужа // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2022. № 1 (31). С. 105–116.
7. Вовин А. А., Срединская Н. Б. О рецепции римского права в частных актах северо-западной Руси XIII–XV вв.: Теория и практика сравнительного источниковедения // ВИД. Вып. XLI. СПб.: СПб ИИ РАН, 2022. С. 161–209.
8. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 407 с.
9. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.: ЯСК, 2025. 856 с.
10. Жуковская Л. П. Новгородские грамоты на бересте. М.: Учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1959. 135 с.
11. Лаппо-Данилевский А. С. Очерк дипломатики частных актов. СПб.: Север. звезда, 2007. 131 с.
12. Постников А. Б. Псковские харатейные грамоты Елеазарова монастыря XV в. (новые открытия). М.; Псков: Древлехранилище, 2024. 316 с.
13. Тихомиров М. Н. О частных актах в Древней Руси // Исторические записки. Т. 17. М.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 225–244.
14. Черепнин Л. В. Новгородские грамоты на бересте как исторический источник. М.: Наука, 1969. 438 с.

15. Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в. СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Императ. акад. наук, 1903. Ч. I, II. 184 с.
16. Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977–1983. М.: Наука, 1986. 312 с.
17. Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1997–2000 гг. М.: Рус. слов., 2004. 288 с.
18. Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М.: Наука, 1991. 381 с.

REFERENCES

1. Andreyev V.F. *Novgorodskij chastnyj akt XII–XV vv.* [Novgorod Private Document, 12th – 15th Centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1986. 143 p.
2. Arcihovskij A.V. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1952 goda)* [Novgorod Birchback Letters (Excavation Season 1952)]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1954. 91 p.
3. Arcihovskij A.V. *Novgorodskie gramoty na bereste iz raskopok 1958–1961* [Novgorod Birchback Letters (Excavation Season 1958–1961)]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1963. 118 p.
4. Valk S.N. Drevnejshije novgorodskie akty [Old Russian Novgorod Documents]. *Novgorodskij istoricheskij sbornik. Vyp. 2* [Novgorod Historical Collection. Iss. 2], Leningrad, Oblono, 1937, pp. 48–52.
5. Valk S.N. Nachalnaya istoriya drevnerusskogo akta [Early History of Old Russian Documents]. *Vspomogatelnye istoricheskiye discipliny* [Auxiliary Historical Disciplines]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1937, pp. 285–318.
6. Vovin A.A., Sredinskaya N.B. Recepciya rimskogo prava v Severo-Zapadnoj Rusi XIV–XV vv.: vdova i imushchestvo pokojnogo muzha [Reception of Roman Law in Fourteenth-Fifteenth Century North-West Russia: Widow and Property of Deceased Husband]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2022, no. 1 (31), pp. 105–116.
7. Vovin A.A., Sredinskaya N.B. O recepcii rimskogo prava v chastnyh aktah severo-zapadnoj Rusi XIII–XV vv.: Teoriya i praktika sravnitel'nogo istochnikovedeniya [To Reception of Roman Law in Private Documents of North-West Russia in 13–15 cc.; Theory and Practice of Comparative Source Studies]. *VID. Vyp. XLI* [Auxiliary Historical Disciplines. Iss. 41]. Saint Petersburg, SPbII RAN, 2022, pp. 161–209.
8. *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* [Documents of Great Novgorod and Pskov]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1949. 407 p.
9. *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* [Documents of Great Novgorod and Pskov]. Moscow, YaSK, 2025. 856 p.
10. Zhukovskaya L.P. *Novgorodskie gramoty na bereste* [Novgorod Birch Bark Letters]. Moscow, Ucheb.-ped. izd-vo M-va prosveshcheniya RSFSR, 1959. 135 p.
11. Lappo-Danilevskij A.S. *Ocherk diplomatiki chastnogo akta* [To Diplomatic of Private Document]. Saint Petersburg, Sever. zvezda Publ., 2007. 131 p.
12. Postnikov A.B. *Pskovskie haratejnye gramoty Eleazarova monastyrya XV v. (novye otkrytiya)* [Pskov Parchment Documents from Eleazarov Monastery 15 c. (New Findings)]. Moscow, Pskov, Drevlehranilishche, 2024. 316 p.
13. Tihomirov M.N. O chastnyh aktah v drevnej Rusi [To Private Documents in Old Russia]. *Istoricheskie zapiski. T. 17* [Historical Notes. Vol. 17]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1945, pp. 225–244.
14. Cherepnin L.V. *Novgorodskie gramoty na bereste kak istoricheskij istochnik* [Novgorod Birchback Letters as Historical Source]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 438 p.
15. Shahmatov A.A. *Issledovaniye o dvinskih gramotah XV v.* [Study on Dvina Land Documents of 15 c.]. Saint Petersburg, Otd-niye rus. yaz. i slovesnosti Imperat. akad. nauk, 1903, pt. I, II. 184 p.
16. Yanin V.L., Zaliznyak A.A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)* [Novgorod Birch Bark Letters (Excavation Season 1977–1983)]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 312 p.
17. Yanin V.L., Zaliznyak A.A., Gippius A.A. *Novgorodskie gramoty na bereste iz raskopok 1997–2000 gg.* [Novgorod Birchback Letters (Excavation Season 1997–2000)]. Moscow, Rus. slov. Publ., 2004. 288 p.
18. Yanin V.L. *Novgorodskie akty XII–XV vv. Hronologicheskij kommentarij* [Novgorod Documents. Chronological Comments]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 381 p.

Information About the Author

Alexei A. Vovin, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of Source Studies, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, avovin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5089-9999>

Информация об авторе

Алексей Александрович Вовин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел источниковедения, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, avovin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5089-9999>